

Оригинальная статья / Original article

УДК 904 (=393.05.1)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-67-80>

Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.)

© Д.М. Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются результаты археологических разведок на территории Сунтарского района в Западной Якутии. В ходе этих работ на озере Кюкяй, приуроченному к среднему течению р. Вилюй, было открыто два мужских захоронения с элементами вооружения в сопроводительном инвентаре. Интерпретация совокупных признаков данных погребальных памятников (могильных конструкций, ритуальной составляющей, предметного комплекса) позволяет заключить, что захоронения хронологически определяются временем кулун-атахской археологической культуры XIV–XV вв. Это подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. Обнаружение в бассейне р. Вилюй раннеякутских захоронений, синхронных самым древним захоронениям Центральной Якутии, позволяет по-новому посмотреть на ареал расселения якутов в средневековье – географический охват кулун-атахской культуры мог распространяться на среднее течение р. Вилюй. Захоронения Кюкяй I и II являются первыми изученными памятниками дорусской эпохи в Вилюйском регионе. По наличию вооружения в сопроводительном инвентаре предполагается, что захороненные в данных погребениях являлись представителями воинского сословия. Материалы захоронений на озере Кюкяй имеют большую ценность в исследовании ранней этнической истории вилюйских якутов и для характеристики средневековых этнокультурных процессов, протекавших на территории Якутии.

Ключевые слова: Якутия, вилюйские якуты, этническая история, раннеякутские захоронения, народы Сибири, кулун-атахская культура, средневековье, этногенез, якуты, захоронения воинов, Вилюй

Информация о статье: Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 8 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Петров Д.М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 67–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV–XV centuries)

© Denis M. Petrov

Institute of the humanities and the indigenous peoples of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract: The article reflects the results of the archaeological searches in the territory of Suntarsky district in West Yakutia. Two men's burials with elements of armory in the accompanying inventory were found during those searches on Lake Kyukyai which is on the middle current of the River Vilyuy. Interpretation of the cumulative signs of the following burial memorials (graves, ritual component, subject complex) allows to conclude that those burials are chronologically defined by the period of Kulun-Atakhskaya Archaeological Culture of the XIV–XV centuries. It is confirmed by results of radiocarbon dating. Detection of the early Yakut burials in the basin of the Vilyuy River synchronous to the most ancient burials of the Central Yakutia allows to have a fresh look at the area of resettlement of Yakuts in the Middle Ages – geographical coverage of Kulun-Atakhskaya Culture could extend to the middle current of the Vilyuy River. The I and II burials of Kyukyai are the first studied sites of the pre-

Russian era in the Vilyuy region. The presence of arms in accompanying inventory shows that buried in these burials were representatives of military estate. The burial site materials on Lake Kyukyai are of a great value in the research of early ethnic history of the Vilyuy Yakuts and for featuring medieval ethnocultural processes proceeding in the territory of Yakutia.

Keywords: Yakutia, Vilyuy Yakuts, ethnic history, early-Yakut burials, peoples of Siberia, Kulun-atakhskaya culture, Middle ages, ethnogenesis, the Yakuts, burial site of warriors, Vilyuy

Article info: Received March 12, 2019; accepted for publication April 8, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Petrov D.M. Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV–XV centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 67–80. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Введение. Планомерное археологическое изучение бассейна р. Вилюй началось позже чем территории Центральной Якутии. По настоящее время вилюйская группа районов (улусов) остается малоисследованной и весьма перспективной зоной для изучения древней и средневековой истории Якутии. Вилюйский регион на протяжении всей обозримой по письменным источникам истории являлся вторым по количеству душ населения регионом Якутии, представленным главным образом якутами (Гоголев, 2008). Однако в науке превалирует мнение, что бассейн Вилюя (за исключением нижнего течения) заселялся скотоводами только с середины XVII в., в то время как основная масса якутов перекочевала из Центральной Якутии в первой половине XVIII в. (Николаев, 1957; Парникова, 1971; Константинов, 1975; Башарин, 2003; Ушницкий, 2017), однако отдельные авторы выражали иную точку зрения (Ксенофонтов, 1992; Алексеев, 2007). В специальной статье нами был озвучен тезис, что якуты могли проникнуть в Вилюйский регион гораздо раньше – вследствие особенностей скотоводческого хозяйства в эпоху средневековья (Петров, 2017. С. 98–102); в настоящей работе будут рассмотрены результаты археологических работ в Сунтарском районе, которые укрепляют наши предположения и могут очертить характер освоения скотоводческими племенами пространств Западной Якутии.

Результаты исследования. Под понятием раннеякутские захоронения имеются в виду погребальные памятники, датируемые временем существования кулун-атахской археологической культуры на Средней Лене (XIV–XVI вв.), ставшей основой

для возникновения якутского этноса. К этой категории нужно относить и памятники первой половины XVII в., которые еще не подверглись влиянию русской культуры и сохраняли архаичные черты. Количество раннеякутских погребений весьма ограничено; на сегодняшний день, промежутком XV–XVII вв. датируются 17 погребальных памятников: Сергеляхское, Атласовское 1–2, Кердюген, Кудук, Ат Дабан III, Балыктах, Бюгарыма I, Улахан Алас, Бютэйдэх, Орто Ары, Джесулен, Нэлэгэр, Тит Баппыт, Ойгос Тумула, Таралай, Уорай (Бравина, Дьяконов, 2015. С. 27–28). В этот список также можно включить захоронение Тымпы (Мир древних..., 2012. С. 67).

Сунтарский район приурочен к крупной излучине среднего течения р. Вилюй с притоками Ыгыатта, Ботомою, Кюндяе, Кемпендяй, Вилюйчан, Арга-Джели, Илин-Джели и др. Рельеф по большей части равнинный, с большим количеством аласов и луговых полей, используемых в качестве сенокосных и пастбищных угодий. Климат резко континентальный, но мягче и влажнее чем в Центральной Якутии. Археологические исследования якутских захоронений в Сунтарском улусе спорадически проводятся с первой четверти XX в. В разное время в данном районе работали археологи И.В. Константинов, И.Д. Архипов, В.Ф. Яковлев, Р.И. Бравина, Э. Крюбези и др. В результате этих работ были изучены разноплановые погребальные комплексы якутов, в числе которых грунтовые и воздушные захоронения представителей родовой знати и шаманов, погребения с конем, воздушные захоронения жертвенных лошадей и пр. (Бравина, Попов,

2008). Большинство этих захоронений датируется XVII–XIX вв.

В полевой сезон 2018 г. силами Нюрбинского отряда археологической экспедиции ИГИПМНС СО РАН проводились разведочные работы на территории Сунтарского и Нюрбинского районов с целью выявления раннеякутских памятников. В ходе этих работ на территории Кюкяйского наслега Сунтарского района, в 500 м от села Кюкяй, обнаружено два одиночных погребения (рис. 1).

Захоронения располагались на северо-западном берегу одноименного озера, в 15 м друг от друга на разных уровнях озерной террасы. Берег в этом месте образует небольшой полуостров, врезающийся в озеро с запада на восток и отделенный от с. Кюкяй узким заливом. Кюкяй – крупное, до 5,5 км в диаметре, озеро термокарстового происхождения, с островами и полуостровами.

Захоронение Кюкяй I. Могильный провал был представлен западиной размерами 180 x 60 см и глубиной 20 см, ориентированной по вектору СЗ–

ЮВ. Могильная конструкция, обнаруженная на глубине 90 см от дневной поверхности, представляла собой сильно разрушенный гроб из неочищенных от коры тонкомерных бревен, стыки между которыми практически не просматривались из-за сильной степени разложения древесины. Крышка гроба сложена из трех равных плах. Общая длина гроба составляла порядка 200 см, ширина в изголовье – 67 см, в изножье – 77 см, высота – 15 см (сильно продавлен), толщина стенок – 5–7 см. Размеры крышки гроба: длина – 180 см, ширина – соразмерна гробу. Размеры могильной камеры: длина – 152 см, ширина в изголовье – 60 см, в изножье – 42 см.

Внутри гроба зафиксирован костяк мужчины средних лет, ростом приблизительно 160 см. Погребенный покоился на спине, головой на северо-запад (лицом на юг), с незначительным смещением на правый бок; левая рука вдоль тела, правая – немного согнута в локте; обе ноги слегка согнуты в коленях и направлены в правую сторону (рис. 2).

Рис. 1. Месторасположение захоронений Кюкяй I и II. Сунтарский район на карте Республики Саха (Якутия)
Fig. 1. The location of the Kyukyai I and II. Suntarsky district on the map of the Republic of Sakha (Yakutia)

Рис. 2. Общий вид захоронений Кюкяй I и II
 Fig. 2. General view of burial Kyukyai I and II

Анатомическая целостность костяка, за исключением смещенной нижней челюсти, в целом, не нарушена. На костях черепа с левой стороны зафиксированы механические повреждения: имеются продольные следы от ударов острым предметом на теменной кости и пролом височной части (рис. 3).

Одежда погребенного полностью истлела. В районе черепа зафиксированы значительные скопления мелких фрагментов окислившегося железа и пятна ржавчины. Поверх правой руки, вдоль тела, положен лук с берестяной обкладкой и концевым вкладышем из кости (рис. 4.6). Древесина лука полностью разложилась. В этом же районе, между правой рукой и телом, обнаружены сильно корродированный наконечник боевой пальмы – *батас*

длиной 34 см (рис. 4.2), фрагменты кожного колчана с железной фурнитурой, декорированного бляхами с зубчатыми краями из цветного металла округлой и ромбовидной формы, а также окислившаяся железная пластина с приклепанной полоской из цветного металла с зубчатыми краями (рис. 4.8).

Вместе с остатками колчана найдены 1 костяной и 9 железных черешковых наконечников (рис. 4.4, 5), частично уцелевшие древка стрел и посредник из трубчатой кости для крепления наконечников с древком (рис. 4.3). Железные наконечники стрел представлены тремя видами: 3 – листовидными, 3 – ромбовидными и 3 – срезными. Под правым боком, вдоль тела от подмышки до коленной части левой ноги, обнаружены остатки сильно

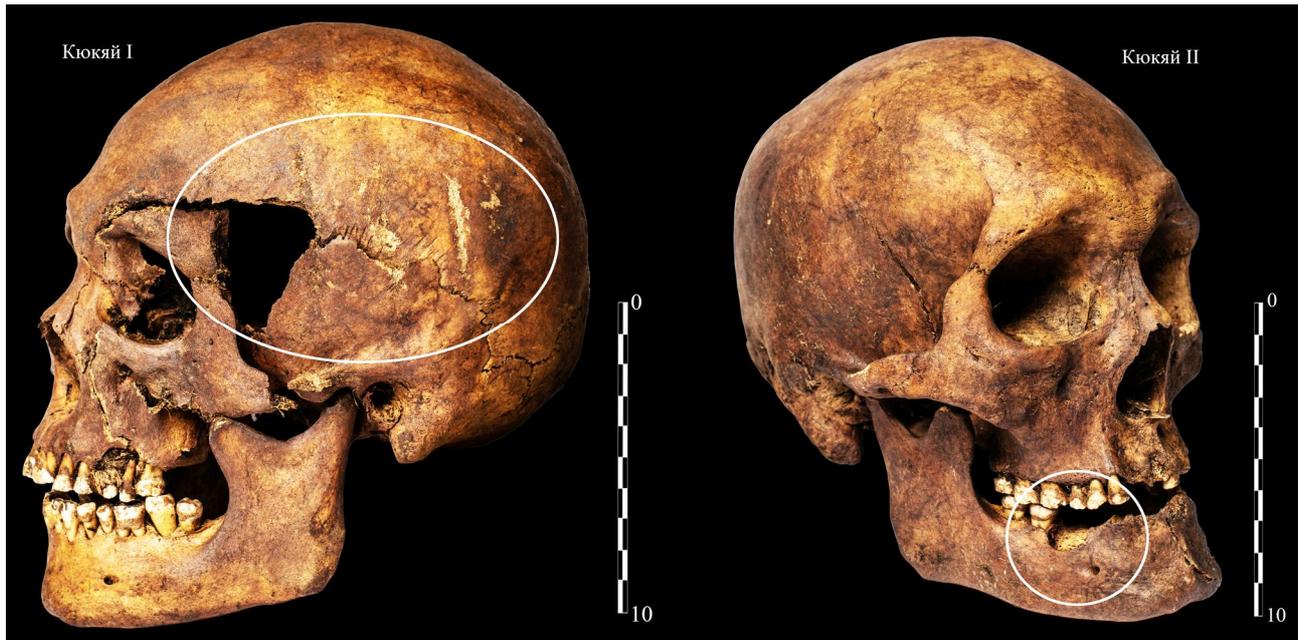

Рис. 3. Кюкяй I и II. Повреждения на черепах
Fig. 3. Kyukyai I-II. Traces of damage to skulls

разрушенного длинно клинкового оружия, предположительно меча (рис. 4.1), а также железные элементы подвеса оружия (фурнитура ножен и ременной разгрузочной системы, в т. ч. крюк-застежка). Длина сохранившейся части клинка (с хвостовиком) составляет 91 см, толщина 1 см, максимальная ширина 3,5 см. На хвостовике сохранились фрагменты древесины от рукояти. Поверх правой тазовой кости лежала железная подвеска-застежка в стиле парных конских головок (рис. 4.7). Ниже левой тазовой кости, с внешней от ноги стороны, обнаружены остатки кожаной поясной сумочки, мелкая пронизка из цветного металла и скопление плохо сохранившихся трапециевидных пластинок (остатки пояса?). В пространстве между левой голенью и стенкой гроба найдена тризна, представленная позвонками крупного млекопитающего.

Захоронение Кюкяй II. Обнаружено по могильной западине размерами 220 x 30 см и глубиной 20 см. На глубине 20 см в западине зафиксированы следы горелой древесины. Могильная конструкция обнаружена на глубине 60 см от дневной поверхности, ориентирована по вектору запад-восток. Плохой сохранности гроб выполнен из очищенных от коры тонкомерных бревен; крышка

составлена из двух плах и сильно продавлена внутрь (настолько, что через древесину проступает костяк). Размеры крышки: общая длина – 217 см; ширина южной плахи – 32 см в изголовье и 36 см в изножье; северной – 39 см в изголовье и 34 см в изножье. Общая длина гроба – 223 см, ширина в изголовье – 96 см, в изножье – 66 см; высота – 11 см. Длина внутреннего пространства гроба – 197 см; ширина в изголовье – 55 см, в изножье – 51 см. Толщина стенок – 7–11 см.

Внутри гроба покоился костяк мужчины средних лет, крупного телосложения и физически развитого. Погребенный ориентирован головой на запад, лицо повернуто на север. Костяк был накрыт берестяным полотном, которое практически полностью разложилось и отходило от костей мелкими фрагментами. Поза трупа на спине с незначительным разворотом на левую сторону. Руки вдоль тела, слегка согнуты в локте, правая нога вытянута, левая имеет некоторый сгиб в колене в левую сторону (рис. 2). Целостность костяка не нарушена, но отсутствуют мелкие кости ступней. Приблизительный рост погребенного – 175 см. На нижней челюсти, с правой стороны, на месте первого моляра имеется повреждение в виде глубокой воронки (рис. 3). Отмечена сильная степень деформации

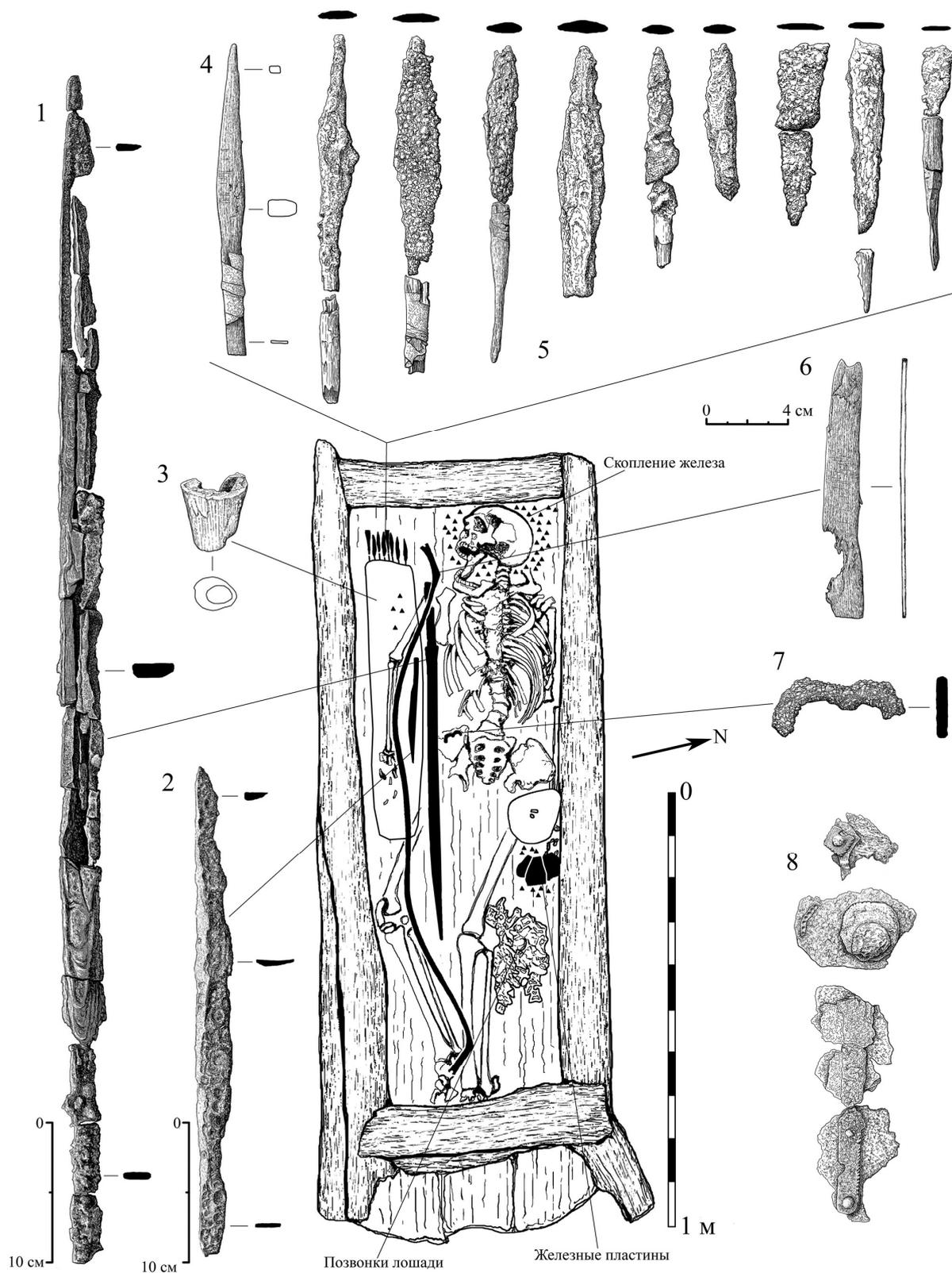

Рис. 4. Кюкяй I. Инвентарь захоронения: 1 – меч кылыс; 2 – боевая пальма; 3 – костяной посредник; 4 – костяной наконечник стрелы; 5 – железные наконечники стрел; 6 – костяной вкладыш; 7 – застежка в стиле парных конских голов; 8 – детали колчана

Fig. 4. Kyukyai I. Burial inventory: 1 – kyls sword; 2 – military lance; 3 – bone mediator; 4 – bone arrowhead; 5 – iron arrowheads; 6 – bone liner; 7 – fastener in the style of paired horse heads; 8 – details of the quiver

позвонок в пояснично-крестцовом отделе позвоночника. Под костяком обнаружен плохо сохранившийся берестяной подстил.

Одежда также полностью разложилась, не сохранилось даже фрагментов. Зафиксирован сопроводительный инвентарь, схожий с таковым в захоронении Кюкяй I (рис. 5).

В пространстве между левой ногой и стенкой гроба найден комплекс вооружения: сильно разрушенный лук с орнаментированной берестяной обкладкой, наконечник охотничьей пальмы – батыйа (рис. 5.7), 4 железных (1 бронебойный, 3 ромбовидных) и 2 костяных черешковых наконечника стрел (рис. 5.3, 4) и бочонковидный посредник из трубчатой кости, украшенный традиционным якутским арочным орнаментом (рис. 5.5). Ромбовидные наконечники плоские в сечении, бронебойный – граненый, в срезе прямоугольный. Колчан не сохранился, но обнаружена его костяная застежка, декорированная орнаментом из многочисленных пересекающихся линий (рис. 5.5). Под луком, возле костей кисти левой руки, по всей видимости, лежала поясная сумочка – здесь обнаружены железное кресало и кремь (рис. 5.8, 9). У бедренной кости правой ноги, с внутренней стороны, найдено плоское кольцо с двумя невыразительными рогаобразными отростками, развернутыми в стороны, выполненное из светлого металла (рис. 5.2). С внешней стороны бедренной кости обнаружен нож с длинным лезвием (18 см) в развалившихся берестяных ножнах с кольцом для подвеса (рис. 5.1). Хвостовик ножа сквозной, заклепан на тыльнике деревянной рукояти. В ногах, в районе ступней, зафиксирована небольшая горсть золы с мелкими фрагментами жженных костей.

Обсуждение. По совокупности отличительных признаков памятники Кюкяй I и II можно причислить к раннеякутским погребениям. К этим маркерам относятся небольшая глубина могильной ямы, особенности могильных конструкций, сильная степень разрушения находок, небогатый сопроводительный инвентарь военизированного характера, отсутствие предметов и материалов, распространенных в порусское время и т. д.

Просторные гробы-срубы, сложенные из нетесаных тонкомерных бревен, являются одним из главных показателей архаичности данных захоронений. Такие могильные конструкции зафиксированы в 21 % изученных раннеякутских погребений и не характерны для материалов XVIII в. (Бравина, Дьяконов, 2015. С. 29). Схожие погребальные конструкции отмечены в одних из самых ранних якутских захоронений Центральной Якутии (XV в.): Джесулен и Тит Баппыт в Чурапчинском районе, Тит Ары в Таттинском районе и в др.

Поза погребенных отличается от стандартного для XVIII в. труположения на спине в вытянутом состоянии. Положение тела со смещением в сторону со слегка подогнутыми нижними конечностями в захоронении Кюкяй I условно можно отнести к позе «на боку», которая маркирует ранний этап этнической истории якутов, хронологически связанный с кулун-атахской археологической культурой XIV–XVI вв. (Бравина и др., 2017. С. 92).

Характер повреждений и дефектов на костях погребенных свидетельствует о тяжелых условиях жизни в средневековье. Мужчина из захоронения Кюкяй I вероятно погиб в результате серии рубящих ударов по голове. Насильственная причина смерти – достаточно частое явление в раннеякутских мужских захоронениях. Останки со следами повреждений холодным оружием на костях обнаружены в средневековых погребениях Ат Быраан III, Атласовское I, Сергеляхское, Кудук в Центральной Якутии, Тымпы на Вилуе и др. Костяк мужчины из захоронения Кюкяй II имеет характерные признаки всаднического образа жизни, которые проявляются в виде деформации поясничных позвонков (Бравина и др., 2016. С. 100). Якуты-скотоводы всю жизнь, с малых лет, проводили в седле – хозяйственный быт северной коневодческой культуры обязывал жить в динамике, сродни степному номадизму. Зубы обоих погребенных сильно стертые, что обусловлено необходимостью пережевывания твердой пищи.

Луки традиционного для якутов северного типа (Васильев, 1995. С. 62). Об их форме и размерах можно судить только по частично сохранившимся берестяным обкладкам и скоплениям трухи. Об-

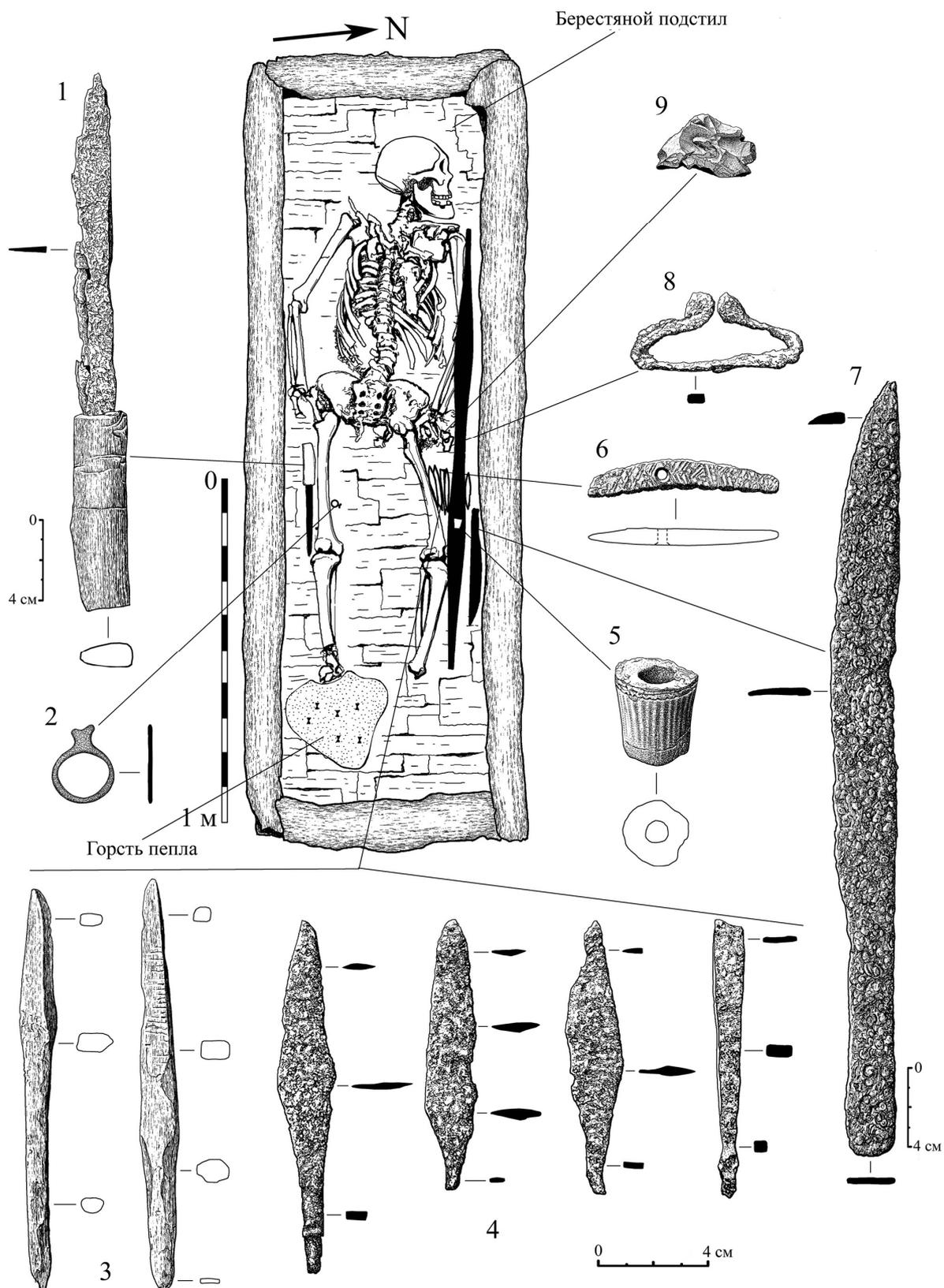

Рис. 5. Кюкяй II. Инвентарь захоронения: 1 – нож; 2 – подвеска; 3 – костяные наконечники стрел; 4 – железные наконечники стрел; 5 – костяной посредник; 6 – застежка из кости; 7 – охотничья пальма; 8 – кресало; 9 – кремь
Fig. 5. Kyukyai II. Burial inventory: 1 – knife; 2 – suspension; 3 – bone arrowheads; 4 – iron arrowheads; 5 – bone mediator; 6 – a bone clasp; 7 – hunting lance; 8 – chairs; 9 – flint

кладки имеют прочерченный орнамент в виде продольных линий и поперечных черточек, характерный для якутских луков. Одним из хронологических индикаторов можно считать отсутствие в наборе стрел наконечников для охоты на пушного зверя типа томар – стандартных в якутских погребениях XVII – XVIII вв., т. е. эпохи ясачной политики колониальных властей. Каждый совершеннолетний мужчина в это время был обязан платить налог пушниной, вследствие чего резко возросла роль охотничьего хозяйственного комплекса. Боевые наконечники, наоборот, соответствуют сопроводительному инвентарю раннеякутских захоронений, в частности, набор броневой наконечников был зафиксирован в погребениях Атласовское I и Сергеляхское в долине Туймаада (Дьяконов и др., 2014. С. 235; Бравина и др., 2016. С. 95). Костяные наконечники четырехгранные, уплощающиеся к хвостовику; конструктивно схожие с кулун-атахскими образцами (Дьяконов и др., 2014. С. 235). Ромбовидные наконечники стрел из Кюкяй II имеют не характерную для якутских наконечников ассиметричную форму. Бочонковидные костяные посредники для наконечников в предметном комплексе якутских захоронений XVII–XVIII вв. практически не встречаются, однако найдены в поселенческих комплексах кулун-атахской культуры и жилищах XVII–XVIII вв. (Гоголев, 1990. Табл. LXI, тип 3; Табл. LXII, тип 6).

Якутские пальмы – батыйа и батас – довольно распространенные предметы в раннеякутских захоронениях (Бравина, Дьяконов, 2015. С. 30). Батыйа – охотничья пальма с ножевидным клинком, широко распространенная среди сибирских народов. Батас – это боевая пальма, оружие ближнего боя (Васильев, 1995. С. 91); в захоронениях встречается реже, чем охотничья пальма. Отличительными признаками боевой пальмы является наличие на клинке граней жесткости и профиль лезвия в виде ломаной линии из-за двух угловатых выступов ближе к середине и у острия (для усиления пробивного воздействия). Древние батасы были, судя по материалам захоронений Сергеляхское и Балыктах, небольших размеров. Можно предположить, что боевыми пальмами снаряжались захо-

ронения воинов. О воинском статусе погребенного из Кюкяй I говорит и обнаружение остатков длинноклинкового оружия – меча *кылыс*. Якутские мечи были однолезвийными, наподобие палаша, с прямым обухом; лезвие часто имело изломы как у боевой пальмы (Там же. С. 96). На данный момент в музеях Якутии хранится несколько мечей в хорошей сохранности – все они были обнаружены случайно во время сельскохозяйственных работ. Что касается сопроводительного инвентаря погребальных памятников, есть сведения, что меч был обнаружен в раннеякутском захоронении Ат Быраан III (XIV–XV вв.), исследованном Н.П. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым в Хангаласском районе. Другой достоверной информации о находке мечей в погребальных комплексах якутов нет. Вследствие этого, захоронение Кюкяй I можно считать археологическим памятником исключительной редкости. Малочисленность специализированного боевого оружия (як. *кыргыз сэбэ, сэрии сэбэ*) в якутских захоронениях объясняется, исходя из преданий, традицией закапывания вооружения в тайниках в дали от жилых мест с особым обрядом и жертвоприношением (Бравина, Попов, 2008. С. 130).

Скопления мелких фрагментов железа и следы ржавчины под головой и вокруг нее в Кюкяй I можно интерпретировать как остатки железного шлема (як. *дуулага*) или шапки с железными деталями. По настоящее время археологами еще не обнаружено (за исключением нескольких ламеллярных пластинок) образцов защитного вооружения (як. *куйах*) (Васильев, 1995. С. 105), хотя об их наличии у якутов свидетельствуют многочисленные упоминания в письменных источниках XVII в. (Токарев, 1945. С. 155). Известно о случайных находках в первой половине XX в. полных комплектов доспехов и шлемов на территории Усть-Алданского района, но эти артефакты были утрачены. Объект, напоминающий элемент защитного комплекса (щит или нагрудное зеркало), был отмечен в захоронении, обнаруженном в т. н. «Тыгыновом кургане» в черте г. Якутска. К сожалению, убор из Кюкяй I разрушен настолько, что понять, хотя бы приблизительные формы предмета, невозможно.

Определенный интерес представляет железная подвеска в стиле парных конских голов, обнаруженная в захоронении Кюкяй I. До этого случая две подобные подвески, сделанные из кости и мамонтового бивня, были найдены в курганном захоронении XVII–XVIII вв. Орджогон II в Кангаласском наслеге Нюрбинского района. Подвески с конскими головами имеют параллели в древностях Минусинской котловины – в материалах таштыкского и тагарского времени. А.Н. Алексеев и Э. Крюбези предполагают, что такие подвески могли распространяться с миграциями енисейских кыргызов; в частности, у якутов есть легенды о скотоводческом племени кыргыз, которое обитало в Якутии в древние времена (Алексеев, Крюбези, 2016. С. 99).

В захоронениях Кюкяй I и II зафиксировано крайне малое количество предметов из цветного металла. Большинство металлических вещей изготовлено из железа. Медные украшения колчана с зубчатыми краями, невыразительная пронизка из Кюкяй I и плоское кольцо с отростками из Кюкяй II не обнаруживают прямых аналогий в материалах поздних якутских захоронений.

Тризна изучаемых погребений достаточно оригинальна. Чаще всего якуты клали в гроб реберные кости забитой во время похорон лошади или коровы. В Кюкяй I обнаружены позвонки крупного скота без реберных костей. В Кюкяй II – горсть пепла с дроблеными фрагментами кремированных костей. В последнем случае, по всей видимости, был проведен некий обряд, не связанный со снабжением покойного ритуальной пищей. К примеру, в захоронении Ат Дабаан III, в ногах погребенного юноши был найден берестяной сосуд с фрагментами жженных человеческих костей (Яковлева, Прокопьева, 2018. С. 164). Установить, кому принадлежали кремированные кости из захоронения Кюкяй II, на данный момент не представляется возможным.

Захоронение Кюкяй II датировано радиоуглеродным методом по пяточной кости в лаборатории Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН – 530±50 лет назад (NSKA-02067). Калибрование радиоуглеродной даты с вероятностью 95,4 % показало два допустимых интервала: 1301–1368

(39,4 %) и 1381–1447 (56,0 %). Учитывая однотипность погребальных конструкций и сопроводительного инвентаря, а также одинаковую степень сохранности находок, мы склоняемся к тому, что захоронение Кюкяй I тоже относится к этому временному промежутку. В целом, радиоуглеродные даты корректны с типологическими особенностями погребений.

Согласно легендарным циклам якутов Сунтарского улуса, на озере Кюкяй в древности жили иноплеменники туматы и тунгусы. Гидроним, по одной из версий, образован от имени тунгусского витязя Кюкяй – что с эвенкийского языка можно перевести как «бодливый» (*кукэйн*) (Болдырев, 1994. С. 26). Память о воинственных туматах (Бравина, Петров, 2018) сохранилась в виде микротопонима Тумат Етеге («жилище (пепелище) туматов») в местности Очокуун Тумула, на озерном мыске (Федоров, Егоров, 1991. С. 16). Первые якуты, по преданиям, появились в этих землях во времена «кыргыз үйэтэ» («век сражений») – легендарной эпохи межродовых и межплеменных войн, предшествовавшей приходу казаков и продлившейся в первые десятилетия установления власти Русского государства. Край заселялся постепенно, в разное время сюда перекочевали конные группы якутов, преимущественно Кангаласского рода (Кюкяй..., 2003. С. 7). Жители наслег и в наши дни рассказывают о больших битвах якутов с иноплеменниками, произошедших на озере; в качестве свидетельств этих событий указываются находки накопечников стрел, застрявших в стволах деревьев, и человеческих костей на разрытых берегах (Федоров, Егоров, 1991. С. 16).

Сюжеты исторических преданий о родоначальниках, переселившихся на территорию современного проживания во времена «кыргыз үйэтэ», характерны для многих групп якутов. Это исходит от фольклорной традиции замещения древних событий более поздними и перекликается с архетипом «гонимого героя», становящимся в конце скитаний и бедствий прародителем рода (или целого народа). Для якутов такими поздними событиями, впечатавшимися в сознании народа, стали родовые войны, связанные с именем Тыгын Дархана –

исторической личности первой половины XVII в. и ключевой фигуры «века сражений», а также вторжение казаков в Ленский край в середине XVII в., спровоцировавшее значительные перемещения якутских и тунгусских родов. Неудивительно, что вилюйские якуты называли себя потомками противников Тыгына или повстанцев, бежавших на окраины после подавления якутских восстаний.

Возможно, что захороненные на озере Кюкяй мужчины были из числа поздних кочевников, осваивавших таежные пространства Вилюйского региона в поисках пастбищных угодий, и расширявших, таким образом, ареал культуры северных скотоводов, ставшей предтечей формирования якутов. Жизнь на фронтире в условиях ограниченных ресурсов наполнилась опасностями и нередко сопровождалась боевыми столкновениями между различными родовыми и племенными группами – это повышало значимость воинов как отдельного сословия (як. *боотур*). По мнению Ф.Ф. Васильева, воинское сословие в раннеякутском обществе эпохи средневековья формировалось из числа мелкой знати, феодалов средней руки и высшей аристократии (Васильев, 1995. С. 192). Воины-профессионалы составляли дружину князей, являясь, таким образом, неотъемлемой частью господствующего класса. Высокая роль боотуров в освоении новых земель выражалась в традиции возведения различных воителей в ранг первопредка в генеалогических сказаниях (Эллэйада, 1977).

Наличие в бассейне Вилюя раннеякутских памятников, синхронных самым древним захоронениям Средней Лены и Амгино-Ленского междуречья, говорит о планомерном освоении скотоводческими элементами территорий Якутии, имеющих потенциал для ведения скотоводческого хозяйства.

Библиографический список

Алексеев А.Н. О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилюя // Тюркский мир: Монголия и Якутия (сборник). Улан-Батор, 2007. С. 197–201.

Алексеев А.Н., Крюбези Э. Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: древность и современность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2. Т. 44. С. 91–101.

Это обстоятельство значительно увеличивает территориальный охват кулун-атахской культуры. Здесь необходимо упомянуть, что в полевой сезон 2018 г. в соседнем с Сунтарским Нюрбинском районе в м. Сиэн Тумула на северном берегу озера Дженкюдэ (Тюмюкский наслег) нами также был открыт археологический комплекс эпохи неолита-средневековья. Средневековый пласт памятника представлен контурами 4–5 жилищ с керамическим материалом, типологически близким к кулун-атахским образцам.

Заключение. Кюкяй I и II можно отнести к раннеякутским захоронениям. В пользу этого указывают совокупность отличительных признаков и радиоуглеродные даты. Данный факт обуславливает перспективность поиска подобного рода памятников в бассейне р. Вилюй. Кроме того, захоронения на озере Кюкяй дополняют список самых древних якутских погребальных комплексов, исследованных на территории Якутии в последние годы.

По наличию в сопроводительном инвентаре специализированного воинского оружия – меча, батаса, боевого наконечника стрелы – можно заключить, что захороненные на озере Кюкяй были представителями воинского сословия.

Обнаружение средневековых якутских захоронений в Сунтарском районе позволяет по-иному смотреть на вопрос расселения якутов в дорусскую эпоху. Данные памятники имеют большую научную ценность в понимании ранней этнической истории вилюйских якутов.

Таким образом, тезис о том, что Вилюйский регион входил в ареал первоначального зарождения и становления якутского этноса находит новое подтверждение.

References

Alekseev A.N. 2007. About the period of settlement of the Yakuts in the basin of the middle Vilyuy. *Tyurkskii mir: Mongoliya i Yakutiya* [Turkic world: Yakutia and Mongolia]. Ulan-Bator. Pp. 197–201. (In Russ.)

Alekseev A.N., Kryubezi E. 2016. Plots of pair horse heads in the cultures of Yakutia: antiquity and modernity. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. Vol. 44. No. 2. Pp. 91–101. (In Russ.)

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). М.: Арт-Флекс, 2003. 447 с.

Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 490 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. Раннеякутские погребения со скорченным труположением на боку как историко-этнографический источник // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 83–98.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Сlepченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Бравина Р.И., Петров Д.М. «Оленекская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеология северных и вилуйских якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018, № 1 (22). С. 26–35.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / под ред. доктора исторических наук проф. Д.Г. Савинова; художник В.Р. Андросов. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. 224 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: изд-во Иркут. ун-та. 1990. 192 с.

Гоголев А.И. Обзор этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. Якутск, 2008. С. 66–72.

Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Я.В.Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история народа саха: материалы Всероссийской интердисциплинарной научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию Г.В. Ксенофонта и 100-летию Л.Н. Гумилева (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.). Новосибирск: Наука, 2014. 320 с.

Basharin G.P. 2003. History of agrarian relations in Yakutia (XV–XVII – middle XIX s.). Moscow: Art-Fleks Publ. 447 p. (In Russ.)

Boldyrev B.V. 1994. Russian-Evenki dictionary. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ. 490 p. (In Russ.)

Bravina R.I., D'yakonov V.M. 2015. The Early Yakut medieval burials of the 14–17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast humanitarian bulletin]. No. 3 (12). Pp. 27–32. (In Russ.)

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Kolbina E.Yu., Petrov D.M. 2017. The early Yakut burials with the bended bodies on one side as a historical and ethnographic source. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4. Pp. 83–98. (In Russ.)

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alekseeva E.A., Zubova A.V., Kuz'min Ya.V. 2016. Complex research of the early Yakut burial in Sergelyakh of the middle 15 – the beginnings of the 16th century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. No. 4 (35). Pp. 90–109. (In Russ.)

Bravina R.I., Petrov D.M. 2018. “Khosun epic of Olenyok” and legends about the Tumats: ethnohistory of the Northern and Vilyuy Yakuts. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast humanitarian bulletin]. No. 1 (22). Pp. 26–35. (In Russ.)

Bravina R.I., Popov V.V. 2008. Funeral and funeral ceremonialism of the Yakut people: sites and traditions (XV–XIX centuries). Novosibirsk: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.)

Vasil'ev F.F. 1995. Yakut's warfare. Yakutsk: Bichik Publ. 224 p. (In Russ.)

Gogolev A.I. 1990. Archaeological sites of Yakutia of the late Middle Ages (XIV–XVIII centuries). Irkutsk: Irkutsk State University Publ. 192 p. (In Russ.)

Gogolev A.I. 2008. Review of the ethnic history of Western Yakutia (till the beginning of the 20th century). *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. Yakutsk. Pp. 66–72. (In Russ.)

D'yakonov V.M., Stepanov A.D., Bagashev A.N., Razhev D.I., Kuz'min Ya.V., Khodzins Ya.V.L. 2014. Atlasovskoe burial of the 14–15th centuries of Kulun-Atakh Culture in the context of ethnogenetic problems of Yakuts. *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya naroda sakha. Materialy Vserossiiskoi interdisciplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Yakutsk, 24–26 oktyabrya 2012 g.)* [Riders of North Asia and the birth of an ethnos: the ethnogenesis and ethnic history of the Sakha people. Materials of the All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference with Interna-

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности: труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992. 415 с.

Кюкяй сквозь века: социально-экономическое и культурное развитие (на якутском языке) / Составители: Р.И. Бравина, В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. Якутск: Бичик, 2003. 416 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск: СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилуйских якутов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 27, 1957. С. 90–98.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. 152 с.

Петров Д.М. Освоение бассейна реки Вилюй якутскими родами в XVI–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 98–102.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якутское книжное издательство, 1945. 414 с.

Ушницкий В.В. О времени заселения Вилюя якутами // Проблемы востоковедения. 2017. № 4 (78). С. 48–51.

Федоров Г.Е., Егоров Н.Ф. Сказы у коновязи: предания (на якут. яз.). Якутск: национальное книжное издательство, 1991. 160 с.

Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонтов. М.: Наука, 1977. 247 с.

Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Украшения из могильника Ат-Дабан // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Братский государственный университет. 2018. № 4(34). С. 163–167.

tional Participation, dedicated to the 125th anniversary of G.V. Ksenofontov and the centenary of L.N. Gumilyov (Yakutsk, October 24–26, 2012)]. Novosibirsk: Nauka Publ. 320 p. (In Russ.)

Konstantinov I.V. 1975. Origin of the Yakut people and culture. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti. Trudy Prilenskoj arheologicheskoi ekspeditsii* [Yakutia and its neighbors in antiquity: Proceedings of Prilenskaya archaeological expedition]. Yakutsk: AS USSR Publ. Pp. 106–173. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. 1992. Uraankhay Sakhalar. Sketches on ancient history of the Yakuts. Yakutsk: Nats. kn. izd-vo RS (Ya) Publ. 415 p. (In Russ.)

Bravina R.I., Illarionov V.V., Illarionova T.V. 2003. Kyukyai through centuries: social-economic and cultural development. Yakutsk: Bichik Publ. 416 p. (In Yakut)

Kryubezi E., Alekseev A.N. 2012. The world of the ancient Yakuts: experience of cross-disciplinary research (on the materials of Sakha-French archaeological expedition). Yakutsk: NEFU Publ. 226 p. (In Russ.)

Nikolaev S.I. 1957. The main stages of ethnic history of Vilyuy Yakuts. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Ethnography of AS USSR]. Iss. 27. Pp. 90–98. (In Russ.)

Parnikova A.S. 1971. Resettlement of the Yakuts in the XVII – beginning of the XX century). Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 152 p. (In Russ.)

Petrov D.M. 2017. Development of the Vilyui river by Yakut peoples in the XVI–XVIII centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of the Tomsk State University]. No. 414. Pp. 98–102. (In Russ.)

Tokarev S.A. 1945. Social order of the Yakuts in the XVII–XVIII centuries. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 414 pp. (In Russ.)

Ushnitskii V.V. 2017. About period of settling of the Vilyuy River by Yakuts. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. No. 4 (78). Pp. 48–51. (In Russ.)

Fedorov G.E., Egorov N.F. 1991. Narrations about hitching post: legends. Yakutsk: natsional'noe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 160 p. (In Yakut)

Ksenofontov G.V. 1977. Elleyada: Materials of mythology and legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka Publ. 247 p. (In Russ.)

Yakovleva K.M., Prokop'eva A.N. 2018. Jewelry from the burial site At-Dabaan. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia]. Bratsk: Bratskii gosudarstvennyi universitete Publ. No. 4(34). Pp. 163–167. (In Russ.)

Сведения об авторе

Петров Денис Михайлович,
младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем мало-

Information about the author

Denis M. Petrov,
junior staff of the Department of Archaeology and Ethnography,
Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of

численных народов Севера СО РАН,
Россия, 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Критерии авторства

Д.М. Петров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovskogo Str., Yakutsk 677000, Russian Federation,
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Attribution criteria

Petrov D.M. performed research, on the basis of the received results carried out generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.